

Институциональные преобразования в период новой экономической политики

В.И. КЛИСТОРИН, доктор экономических наук.

E-mail: klistorin@ieie.nsc.ru

ORCID: 0000-0002-4011-5932

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирск

Аннотация. Описаны причины и условия принятия решений о введении новой экономической политики (нэп). Показано, что отказ от политики и институтов «военного коммунизма» стал вынужденным политическим решением и носил временный характер. По ходу реализации нэпа партийные и советские власти были вынуждены предпринимать дальнейшие шаги по формированию рыночных институтов, не отказываясь при этом от жесткого партийно-государственного контроля и классового подхода. Для обоснования такой политики была разработана теория многоукладной экономики. Одновременно с рыночными институтами совершенствовались институты государственного регулирования и подавления несоциалистических секторов экономики. Директивное регулирование цен приводило к периодическим кризисам сбыта и/или нехватки товаров. Страх перед возрождением капитализма в стране и возможного ограничения власти партии неизбежно снижали эффективность рыночных институтов и в конечном счете привели к полному отказу от них.

Ключевые слова: нэп; военный коммунизм; торговля; транспорт; восстановительный рост; инвестиции; репрессии; классовая политика

«Социализм – вопреки внешним иллюзиям – отнюдь не есть система милосердия, гуманности, мира и заботы, а система воли к власти. Все остальное – самообман. Цель его совершенно империалистическая...»

Шпенглер О. «Закат Европы». [С. 479].

Постановка задачи

Среди специалистов и публицистов продолжается обсуждение экономических, социальных и политических последствий перехода в 1920-х гг. к новой экономической политике (нэпу), эффективности ее отдельных мероприятий и курса в целом, а также возможностей нэпа в деле дальнейшего развития страны и неизбежности его свертывания и перехода к политике коллективизации и индустриализации. По нашему мнению,

правильные ответы на эти вопросы следует искать в том, какие институты формировались в обществе, и какие создавали власти в этот период.

Причины нэпа

В марте 1921 г. по докладу В.И. Ленина X съезд РКП(б) принял резолюцию о замене продразверстки продналогом, что означало отход от политики «военного коммунизма», которая усугубила тяготы и число жертв в Гражданской войне. А 21 марта 2021 г. решения съезда были утверждены декретом ВЦИК. Продразвёрстка была отменена и заменена натуральным продовольственным налогом, что означало частичное удовлетворение требований основной массы населения.

Разумеется, и съезд, и советское правительство не были полноценными авторами нэпа – они просто утвердили решения, принятые достаточно узкой группой лиц. Также не подлежит сомнению их вынужденный характер. Три года «военного коммунизма» довели деревню до грани. Крестьяне не только отказывались сдавать «излишки» продотрядам, но и оказывали им вооруженное сопротивление, которое повсеместно перерастало в разрозненные восстания в основных районах производства зерновых: в Сибири и в Поволжье, на Дону, Кубани и Украине. Самым громким стало восстание в Тамбовской губернии (антоновщина). Численность продотрядов к концу Гражданской войны достигала 26 тыс. чел., немногим уступая войскам ВЧК.

Пережив семь военных лет, страна оказалась на пороге новой войны. Кронштадтское восстание наглядно показало, что в случае конфликта армия (в данном случае флот) не может считаться надежной опорой власти. Таким образом, у большевистского руководства не было никаких вариантов кроме, говоря словами В.И. Ленина, стратегического отступления. Но при этом главной конечной целью оставалась мировая революция, а задача построения социализма в РСФСР была провозглашена только в 1924 г. Страна рассматривалась как база и испытательный полигон для мировой революции.

Социально-экономическая и политическая ситуация в советской России осложнялась массовым голодом, получившим наименование «голода в Поволжье», хотя этим страшным явлением было затронуто более половины населения страны, включая

Сибирь, Поволжье, Дон, Кубань и Украину. Причинами голода были не столько отсталость сельского хозяйства и физическая нехватка продовольствия, сколько та же продрозверстка и разрушение товаропроводящих сетей: транспорта и торговли. На это указывает тот факт, что вне основных районов производства зерна, где продотряды активничали не так сильно, неурожаи сказывались значительно слабее, и голодало прежде всего городское население. Например, в Петрограде население сократилось по сравнению с довоенным в три раза. Люди бежали от голода в сельскую местность. До сих пор не известно, сколько зерна сгнило в ямах, куда крестьяне прятали его от продотрядов, и сколько погибло уже реквизированного зерна из-за ненадлежащего хранения и отсутствия транспорта.

Ужасающую картину экономического и социального упадка в 1920 г. описал Г. Уэллс в своем очерке «Россия во мгле». Он посетил только Петроград и Москву, но пришел к вполне определенным выводам. В частности, в беседе с В.И. Лениным он сказал, что внешний облик и планировка города определяются торговлей и что уничтожение ее, прямо или косвенно, делает бессмысленным и бесполезным существование девяти десятых всех зданий обычного города. В.И. Ленин согласился с ним. «Города станут значительно меньше», – подтвердил Ленин¹.

Экономические итоги «военного коммунизма» и нэпа

Большинство историко-экономических исследований, в том числе и учебников, для описания стартовых условий введения нэпа и при оценке экономических потерь в годы Первой мировой и Гражданской войн, военный период разрушения и деградации народного хозяйства рассматривали как единый, а инструменты мобилизации ресурсов в годы войны – как развитие тех, которые вводило царское и временное правительства. Эта версия восходит к «Краткому курсу истории ВКП(б)», прошла красной нитью практически через все исследования до начала перестройки и частично сохранилась и поныне².

¹ Уэллс Г. Россия во мгле. М.: ПРОГРЕСС, 1970. 222 с. URL: https://socialist.news/book/russian-revolution/Uells_G_-_Rossia_vo_mgle_Sbornik_-_1970.pdf

² Буфетова Л. Н. История экономики России XVIII – XX вв. Учеб. пособие. Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2010. 264 с.

И все же отождествление выкупа зерна по твердым ценам и безвозмездного изъятия под угрозой расстрела нам представляется ошибочным. Точно так же, как и списание всех потерь на войны и интервенцию микширует негативный эффект от собственно государственной политики.

Сильно усложнял работу исследователей, как отечественных, так и зарубежных, тот факт, что в конечном счете все они, даже не будучи связанными обязательствами и честно пытаясь воссоздать более объективную картину, вынуждены были опираться на советскую статистику, которая в разные периоды качественно различалась.

А. Маркевич и М. Харрисон в своем исследовании российской экономики 1913–1928-х гг. пришли к выводу, что падение производства и, соответственно, национального дохода в Первую мировую войну (до 1917 г.) составило около 20%, а в целом за период от вступления России в Первую мировую до окончания Гражданской войны – 60%. Причем, по их оценкам, национальный доход страны не снижался до конца 1915 г., в 1916 г. наблюдался 10%-й спад, а в 1917-м, в год двух революций, падение удвоилось. За два последующих года выпуск на душу населения упал на 50%. Большинство исследователей сходятся в том, что основные причины сокращения производства в первые годы советской власти относятся к внеэкономическим факторам. «Из этого вполне обоснованно можно сделать вывод о том, что агрессивная политика „военного коммунизма“, сопровождавшаяся широкомасштабной конфискацией имущества и государственным произволом, нанесла экономике больший ущерб, чем собственно военные столкновения» [Маркевич, Харрисон, 2013. С. 27].

Избыточная смертность в 1914–1923 гг. составила более 13 млн чел., из них военные потери в период в 1914–1917 гг. – около 1,6 млн. Отсюда следует, что большая часть как демографических, так и экономических потерь приходится на период Гражданской войны и сопутствовавшим ей голоду и эпидемиям.

Для оценки экономического роста и, следовательно, эффективности проводимой экономической политики важны оценки исходного уровня. В советской историографии утверждалось, что за период 1921–1926 гг. промышленное производство выросло в три раза и в последующие годы продолжало расти двузначными темпами. Эти данные приводятся и в настоящее

время³. При этом сельскохозяйственное производство в целом за период нэпа (1921–1928 гг.) выросло в два раза и превысило уровень 1913 г. на 18%. В Кратком курсе ВКП(б) утверждалось, что валовой выпуск промышленности и сельского хозяйства уже в 1927 г. превысил уровень 1913 г., что означало окончание восстановительного периода, а прирост производства крупной социалистической промышленности только за 1927 г. составил 18% [История, С. 280].

Разумеется, все эти феноменальные результаты следует отнести к качеству статистики. Если все шло так хорошо, то почему советское руководство отказалось от двузначных темпов прироста в ключевых отраслях экономики и приступило к форсированному росту, основанному на внеэкономическом принуждении в последующие годы?

Действительно, быстрый экономический рост в этот период объясняется не столько ростом инвестиций и производительности факторов, сколько эффектом низкой базы (восстановительный рост, по терминологии В. Громана), а также легализацией значительной части теневой экономики, процветавшей в период «военного коммунизма». Кроме того, многие предприятия стояли из-за отсутствия сырья, рынков сбыта продукции и специалистов, которые могли бы наладить производство.

Причины завышения темпов роста видятся в игнорировании инфляции и практике приписок. Современные исследователи⁴ высоко оценивают темпы восстановления экономики, например, темп прироста национального дохода ежегодно повышался по мере того, как предприятия и население адаптировались к новым условиям. Он достиг пика в 1924 г. и составил около 25%, но потом неуклонно снижался и составил в 1927–1926 гг. около 5% [Маркевич, Харрисон, 2013, С. 27]. Дополнительным аргументом в пользу утверждения, что успехи нэпа намеренно завышались, свидетельствует и то обстоятельство, что структура экономики в 1928 г. незначительно отличалась от довоенной структуры 1913 г. Общий вывод состоял в том, что национальный доход в 1928 г. не достиг довоенного уровня, а среднегодовой

³ Буфетова Л. Н. История экономики России XVIII–XX вв. Учеб. пособие. Новосибир. гос. ун-т. Новосибирск, 2010. 264 с. [С. 152].

⁴ Обзор источников по оценкам экономического роста в рассматриваемый период см. [Ханин, 2015; Маркевич, Харрисон, 2013].

темпы прироста за период нэпа составляли не 18%, а, скорее около 7%, что также достаточно много. Хотя совокупный реальный выпуск и был выше, чем в 1913 г., средние доходы на душу населения полностью не восстановились, поскольку численность населения на сопоставимой территории выросла на 14%. Таким образом, в 1928 г. национальный доход на душу населения в СССР был существенно ниже довоенного.

Частичное восстановление рыночных институтов

Руководители партии и советского государства мыслили очень упрощенными категориями и, скорее, даже лозунгами. Возможно, в этом сказался большой опыт пропагандистской работы. Приняв решение о замене продразверстки продналогом и разрешив распоряжаться остальным по своему усмотрению, они поначалу не предполагали, что придется восстанавливать и другие институты рыночной экономики. Отсюда, очевидно, появлялись странные идеи о введении прямого товарообмена между городом и деревней, когда государство собиралось «выкупать излишки» в обмен на ситец и керосин.

Поэтому власти так долго медлили и с нормализацией денежного обращения. Напомним, что главной задачей первоначально предполагалась стабилизация валютно-кредитных отношений СССР с другими странами, и поэтому так остро стоял вопрос о монополии внешней торговли. Что касается внутренней стабилизации, то этот вопрос решался сначала путем неоднократных деноминаций, а потом введением параллельного обращения постоянно обесценивающихся совзнаков и твердых червонцев, ставших конвертируемой валютой. Эмиссия совзнаков была использована для финансирования дефицита государственного бюджета и по сути представляла собой специальный налог на крестьян и рабочих, а также других лиц, получавших доходы в этой валюте.

Только в 1924 г. был осуществлен переход к единой валюте. Совзнаки выкупались по фиксированному соотношению в течение полутора месяцев, что означало де-факто очередную конфискационную реформу. После этого золотые червонцы использовались лишь в международных расчетах, а серебряные монеты служили средством сбережения.

Бюджетная политика большевиков была направлена на повышенное обложение частного сектора и уменьшение налогового бремени в государственном. Важную роль в росте доходов бюджета и обеспечении стабильности национальной валюты играли акцизы и государственные займы, изъятие части прибыли госпредприятий, но еще большее значение имело наращивание активного сальдо торгового баланса (продавали в основном сырье, но также был экспорт золота, предметов искусства и т.д.). Одновременно были резко сокращены государственные расходы: национализированные предприятия переведены на хозяйственный расчет, часть мелких и кустарных предприятий передавались в аренду. Был резко сокращен административный аппарат. В 1921–1924 гг. проводилось сокращение военных расходов в рамках реформы РККА, в результате ее численность снизилась с 5,5 млн до 562 тыс. Именно с массовой демобилизацией следует связывать и массовую безработицу, особенно в первый период нэпа.

Развитие торговли невозможно без кредита, и в 1920-е годы широко использовался коммерческий кредит, обслуживавший примерно 85% объёма сделок по продаже товаров. Для контроля взаимного кредитования хозяйственных организаций пришлось создавать государственные и кооперативные банки.

Финансирование капитальных вложений и долгосрочное кредитование превратились из безвозвратного в срочное. Для этого создавались специализированные государственные и кооперативные банки. В 1924 г. был создан Внешторгбанк, осуществлявший кредитно-расчётное обслуживание внешней торговли и куплю-продажу иностранной валюты. Была организована биржевая торговля.

Даже частичное восстановление рыночных отношений потребовало введения определённых правовых гарантий для частной собственности. В 1922 г. 22 мая ВЦИК издал декрет «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых её законами и защищаемых судами РСФСР», а с 1 января 1923 г. был введён в действие Гражданский кодекс РСФСР, который, в частности, предусматривал, что каждый гражданин имеет право организовывать промышленные и торговые предприятия. Впрочем, были и важные оговорки, например,

о запрете ряду категорий лиц организовывать паевые и акционерные общества.

В годы нэпа ВСНХ потерял право вмешиваться в текущую деятельность предприятий, а управление промышленностью было распределено между совнархозами союзного, республиканского и местного уровня, т.е. была проведена децентрализация управления. Но для сохранения контроля за промышленностью и в порядке компенсации за потерю бюджетного финансирования была проведена монополизация в виде организации трестов и синдикатов.

Ещё в 1920 г. был принят декрет «О концессиях», и с 1923 г. начинается практика заключения концессионных договоров, по которым иностранным компаниям предоставлялось право использования государственных предприятий при условии их реконструкции и модернизации.

История концессий неоднозначна. Решения об их создании принимались индивидуально и часто исходя из политических соображений. Часть концессионеров, например, А. Хаммер, получивший в концессию месторождение асбеста, а позднее карандашную фабрику, занимался поставками в Россию пшеницы в обмен на пушнину, драгоценности и предметы искусства. Возможно, он выполнял и другие деликатные поручения партии и правительства, но, в конечном счете, создал себе состояние. Другой пример – история с «Лена-Гольдфильдс Лтд»⁵, в которой компания столкнулась с явно инспирированными забастовками, не смогла выполнить свои обязательства и в конечном счете, понесла значительные потери, прекратила свою деятельность [Бажанов, 1992].

Но, несмотря на видимую либерализацию экономической жизни, государство оказывало нажим на производителей. С одной стороны, оно заставляло их изыскивать внутренние резервы увеличения прибыли и повышение эффективности производства, с другой – всячески ограничивало и регламентировало их деятельность, основываясь на принципах классовой политики. С 1923 г. осуществлялись кампании по снижению цен трестами и синдикатами, а с 1924 г. началось всеобъемлющее регулирование

⁵ Из истории советских концессий. Ленские золотые прииски и «Лена-Гольдфильдс Лимитед». URL: <https://statehistory.ru/1970/Iz-istorii-sovetskikh-kontsessiy-Lenskie-zolotye-priiski-i-Lena-Goldfields-Limited/>

ценовых пропорций с передачей функций Комиссии внутренней торговли Наркомату внутренней торговли с широкими правами в сфере нормирования цен.

Весь последующий период до конца нэпа вопрос о ценах продолжал оставаться стержнем государственной экономической политики: повышение их трестами и синдикатами грозило повторением кризиса сбыта, тогда как их понижение сверх меры при существовании наряду с государственным частного сектора неизбежно вело к обогащению частника за счёт государственной промышленности, к перекачке ресурсов госпредприятий в частную промышленность и торговлю. Частный рынок, где цены не нормировались, не только чутко реагировал на государственную политику ценообразования, но и позволял использовать эту политику в своих целях, а также коррумтировать государственные структуры. Об этих проблемах писал В. В. Новожилов в своей статье «Недостаток товаров» [Новожилов, 1926]. Примечательно, что кризисы сбыта и товарного дефицита власти объясняли исключительно алчностью нэпманов.

Бюрократический аппарат, выполнявший политические решения, в том числе и в сфере ценообразования, сыграл немаловажную роль в судьбе нэпа. Именно поэтому весь период 1920-х годов обернулся диспропорциями в товарообмене между городом и деревней, превалированием мелкотоварного производства и массовой безработицей. Несмотря на впечатляющие успехи, это был период постоянных кризисов [Голанд, 1991]. Тем не менее экономические успехи нэпа были впечатляющими, а практически все негативные процессы, включая затухание темпов роста, связывались с отсталостью страны, внешними факторами, нехваткой специалистов, бюрократизмом совслужащих и даже вредительством. Интересно, что впоследствии, сталкиваясь с экономическими неурядицами, правительство называло все те же причины. В 1922 г. В. И. Ленин высказался в том духе, что нэп – это надолго, но не навсегда. В подобном построении фразы основной смысл утверждения всегда содержится после частицы «но».

О теории многоукладной экономики

Ленинская теория многоукладной экономики исходит из марксистской формационной теории, которая, в свою очередь, опирается на работы немецких авторов исторической школы.

Но если у последних речь идет о стадиях развития хозяйства (пастушеской, земледельческой, земледельческо-промышленной, земледельческо-промышленно-торговой), которые сменяют друг друга в силу эволюции национального духа и государства, то в концепции К. Маркса диалектика производительных сил и производственных отношений приводит к тому, что более прогрессивная система отношений побеждает предыдущую, экономически обеспечивая более высокую производительность труда. Если у историков была попытка объяснить некие исторические факты, то нормативная марксистская теория сплошь и рядом не соответствовала историческим фактам. Для историков задача состояла в поиске мер государственной политики, облегчавшей переход к более высокой стадии. Марксисты изучали условия и противоречия, которые должны были привести к уничтожению буржуазных отношений.

В.И. Ленин, столкнувшись с проблемой коммунистического преобразования производительных сил, быстро понял, что монополистический капитализм не создает технологическую основу для «победы социальной революции пролетариата», поскольку не позволяет управлять экономикой как единой фабрикой. Даже банки, будучи национализированными, как оказалось, не способны были стать единой бухгалтерией и не могли обслуживать расширенное производство в результате одной лишь эмиссии денег и ценных бумаг.

Большевики видели причины расхождения между теорией и практикой в том, что наряду с крупной промышленностью существовали иные типы предприятий и хозяйств, чье экономическое поведение было отлично от тех, которые можно было легко обнаружить и национализировать. Преобладание мелкотоварного производства и низкую долю социалистических и государственно-капиталистических предприятий В.И. Ленин объяснял отсталостью России. Признав существование в российской экономике целого набора типов предприятий, он высказал мысль, что единственным в конечном счете должен остаться социалистический, потому что именно он обеспечивает наивысшую производительность труда. Но поскольку это было не всегда так, то пришлось форсировать процесс в том числе и нерыночными методами.

Предприятия, относящиеся к разным укладам, отличались формой собственности, способом ведения хозяйства, методами координации производства и регулирования хозяйственных связей. На этом основании к ним применялись различные методы регулирования, стимулирования, контроля и даже репрессий за невыполнение регулятивных документов. Но этого оказалось недостаточно, и несоциалистические уклады были ликвидированы иным способом, и вовсе не в результате соревнования в уровне производительности труда.

Консолидация партии и государства

На X съезде ВКП(б) (1921 г.) В. И. Ленин говорил, что «военный коммунизм» был попыткой «взять крепость капиталистических элементов в городе и деревне штурмом, лобовой атакой», и предлагал немного отступить, перейти от штурма к более длительной осаде крепости. Уже через год, на XI съезде партии, он заявил, что отступление окончено, и выдвинул лозунг о подготовке наступления на частно-хозяйственный капитал.

Руководство партии и государства в период «временного отступления» решало свои вопросы. В знаменитом учебнике «История ВКП(б). Краткий курс», из которого выросла советская историография, политика нэпа прямо определялась как укрепление и подтягивание тылов.

Прежде всего были проведены внутривнутрипартийные дискуссии, в которых были «наголову разбиты» оппозиционные группы. Видимо, в годы войны в партии оказалось слишком много амбициозных и самостоятельных людей, хотя конъюнктурщиков и приспособленцев тоже хватало. Чистки проводились накануне съездов, что помогало обеспечить нужный состав делегатов. Например, в 1921 г. из партии было исключено 170 тыс. чел., или 25% ее членов. Тогда же была принята резолюция о единстве партии. Фактически в период нэпа в правящей (и единственной) партии произошла резкая централизация и осуществлен переход от диктатуры политбюро к диктатуре генерального секретаря.

В соответствии с Положением о судеустройстве СССР 1922 г., народные суды, избиравшиеся населением, были заменены судами первой инстанции, которые назначались губисполкомами сроком на один год. После этого даже об относительной независимости судебной системы говорить не приходилось.

В 1924 г. XIII съезд партии утвердил создание Наркомата внутренней торговли и поставил перед всеми его структурами задачу овладения рынком и вытеснения частного капитала из области торговли.

В учебниках истории практически ничего не говорится о терроре в период нэпа, из чего складывается впечатление о том, что преследования по политическим и классовым мотивам практически отсутствовали. Действительно, в 1920-е годы террор не носил столь массового характера, как в предшествующие годы (и тем более – как в последующие). Скорее, в этот период шла подготовка к массовому террору и институционализация карательных органов. В 1922 г. ревтрибуналы были упразднены, и на их место пришло Особое совещание при коллегии ГПУ (ОСО), которое имело право без суда приговаривать к ссылке или высылке за пределы страны на срок до двух лет.

В 1923 г. было создано Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР, а в следующем году ОСО при ОГПУ получило право приговаривать к заключению в лагерь на срок до трех лет. В августе 1924 г. Совет труда и обороны издал постановление «О формировании конвойной стражи СССР», согласно которому ей был придан статус самостоятельного вида войск. В октябре 1925 г. совместным постановлением ЦИК и СНК СССР «О конвойной страже Союза ССР» создается Центральное управление конвойной стражи СССР, подчиненное СНК. Организационно-штатная структура конвойных команд была сведена к армейской, сформированы дивизии и отдельные бригады конвойных войск.

В действительности в период нэпа репрессивный механизм функционировал вполне исправно. Помимо продолжавшегося до середины 1930-х годов расказачивания, имеется достаточно материалов о расстрелах участников белогвардейских, эсеровских и иных заговоров, значительная часть которых была сфабрикована ОГПУ, о репрессиях в отношении православных и католических священников, представителей иных конфессий. Огромным резервом для будущих репрессий стали так называемые лишенцы и буржуазные специалисты, члены различных ликвидированных партий и вычищенные из ВКП(б). Просто они ждали своего часа.

Могла ли политика нэпа продолжаться за пределами 1920-х годов? Вряд ли. Вне зависимости от персоналий в руководстве партии и страны, всех вождей объединяло стремление к личной власти и мировой революции, а различия состояли не столько в стремлении к компромиссам, сколько в тактических союзах и лозунгах для достижения этой цели. Именно поэтому они столь легко меняли свои позиции по самым разным политическим и хозяйственным вопросам. Например, Н. И. Бухарин занимал то крайне левую, то крайне правую позицию по крестьянскому вопросу. То же относится к Ф. Э. Дзержинскому и другим вождям партии.

Сам В. И. Ленин неоднократно пересматривал свою позицию по ряду важных вопросов экономической политики. Не успев преодолеть сопротивление «левых» по поводу введения нэпа, в письме народному комиссару юстиции Д. И. Курскому от 20.02.1922 г. В. И. Ленин требовал признать негодными «тех коммунистов, кои не поняли своей задачи ограничить, обуздать, контролировать, ловить на месте преступления, карать внушительно всякий капитализм, выходящий за рамки государственного капитализма...» [Ленин, 1964. С. 397]. В том же письме он настаивал на проведении образцовых показательных процессов в Москве, Петрограде, Харькове и других крупных центрах и карать виновных не штрафами, а расстрелами. В письме Л. Б. Каменеву от 3 марта 1922 г. В. И. Ленин писал: «величайшая ошибка думать, что нэп положил конец террору. Мы еще вернемся к террору и к террору экономическому» [Там же. С. 428]. Список его высказываний и директив можно продолжить.

Возникают естественные вопросы: может ли нормально развиваться экономика в условиях террора, который трудно назвать точечным, постоянного ужесточения налоговой политики, имеющей в основе классовый подход и направленной на удушение негосударственных предприятий? Стоит ли частнику в этих условиях инвестировать или правильнее все проесть пока не поздно? Или же хранить в ликвидной форме, как А. И. Корейко? А может, следует мечтать переехать в Рио-де-Жанейро подобно О. Бендеру?

Помимо неопределенности, связанной с частыми изменениями правовой базы и интенсивным формированием негативного облика нэпмана, инвестиционный климат ухудшался моральной деградацией и снижением качества социального капитала. Капитаны индустрии покинули страну или были репрессированы,

а на место предпринимателей выдвинулись бывшие приказчики, бухгалтеры, совслужащие, торговцы и просто ловкие люди, которые не хотели, а чаще – просто не умели мыслить стратегически.

Выводы

Интерес к опыту нэпа чрезвычайно высок, поскольку это был крайне противоречивый период отечественной экономической истории. Частично он использовался при подготовке последующих реформ в нашей стране и, возможно, в некоторых других.

Дискуссии о возможностях нэпа в долгосрочной перспективе и институциональной основе индустриализации носят сугубо академический характер [Эрлих, 2010]. Пессимистический взгляд на возможности нэпа в деле дальнейшего экономического развития страны демонстрирует Г. И. Ханин, который отмечает технологическое отставание российской экономики от передовых еще в дореволюционный период и усугубившееся после революции, низкую рентабельность и огромные проблемы с увеличением доли накопления в национальном доходе. Только в конце статьи он говорит об усиливающемся давлении на частника, начиная с 1926 г. [Ханин, 2015].

Ссылки на ужасающую отсталость дореволюционной России, враждебное окружение, золотую и кредитную блокаду и т.д., вообще говоря, не совсем верны. П. Грегори показал, что дореволюционная Россия, хотя и отставала в своем развитии от некоторых стран, прежде всего США, опережала множество других государств как северной, так и южной Европы. Ее экономика в основной своей части базировалась на рыночных институтах и органически вписывалась в тогдашнюю систему международных торгово-экономических и финансовых отношений [Грегори, 2003].

Все изменилось после того, как Советская Россия в начале Гражданской войны экспроприировала собственность и отказалась признавать долги предыдущих правительств. Враждебное окружение создавалось в результате широкого использования пропаганды и иных возможностей Коминтерна и ВЧК/ОГПУ. И. В. Сталин прямо говорил: «чтобы уничтожить опасность иностранной капиталистической интервенции, нужно уничтожить капиталистическое окружение» [История, 1997. С. 268].

Тем не менее торгово-экономические и финансовые отношения с другими странами продолжались, хотя и в иных формах,

чем до революции. Экономическая блокада обходилась путем использования разногласий между правительствами и взаимодействием с частным бизнесом напрямую.

Но главный урок, который оставил нам нэп, можно сформулировать следующим образом: если верно то, что политика – это концентрированное выражение экономики, то еще вернее обратное: экономика – есть концентрированное выражение политики. Нэп как временная уступка был обречен с самого начала, а его сворачивание началось практически сразу после введения. Вряд ли брак будет длительным, если хотя бы один из молодоженов готовится к разводу и разделу имущества с момента его заключения.

Литература

Бажанов Б. Г. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб: Всемирное слово, 1992. 311 с. [Эл. ресурс]. ООО «Издательство «Вече», 2020. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=2777&p=1>–

Голанд Ю. М. Кризисы, разрушившие НЭП. М.: Международный НИИ проблем управления. 1991. 98 с.

Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX века. Новые источники и оценки. М.: РОСССПЭН, 2003. 256 с.

История ВКП(б). Краткий курс. Репринтное воспроизведение стабильного издания 30–40-х годов. М.: Писатель, 1997. 353 с. URL: [https://yandex.ru/search/?clid=9582&text=История%20ВКП\(б\).%20Краткий%20курс.&l10n=ru&lr=65](https://yandex.ru/search/?clid=9582&text=История%20ВКП(б).%20Краткий%20курс.&l10n=ru&lr=65)

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 44. М.: Издательство политической литературы. 1964. – 725 с.

Маркевич А., Харрисон М. Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. М.: Мысль, 2013. 111 с.

Новожилов В. В. Недостаток товаров // Вестник финансов. 1926. № 2. URL: <https://seinst.ru/page75/>

Ханин Г. И. Почему и как погиб нэп? /Ханин Г. И. Экономика и общество России: ретроспектива и перспектива: избр. тр. в двух томах. Т. 1. Новосибирск: СибАГС. 2015. 384 с.

Эрлих А. Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924–1928. М.: Дело, 2010. 248 с.

Статья поступила 04.03.2021

Статья принята к публикации 15.03.2021

Для цитирования: *Клисторин В. И.* Институциональные преобразования в период новой экономической политики // ЭКО. 2021. № 4. С. 29–44. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2021-4-29-44

Summary

Klistorin, V.I., Doct. Sci. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk

Institutional Changes in the New Economic Policy

Abstract. The paper discusses the reasons and conditions for making decisions to introduce the New Economic Policy (NEP) in Russia. The eventual rejection of the Policy and institutions of the War Communism was a forced political decision, and it was temporary. Having implemented the NEP, the Communist Party and Soviet authorities were forced to make further decisions to develop market institutions without giving up a strict party-state control and class-motivated policy. To justify such a policy, the theory of a multi-layered economy was developed. Along with market institutions, the institutions of state regulation and suppression of non-socialist sectors of the economy were improved. The top-down regulatory approach resulted in periodic sales crises and/or deficiency of goods. The fear of the Communist Party concerning the revival of capitalism and possible restraints on its power inevitably reduced the effectiveness of market institutions and finally led to a complete rejection of them.

Keywords: *NEP; War Communism; trade; transport; recovery growth; investment; repression; class-motivated policy*

References

Bazhanov, B.G. (1992). *Memoirs of Stalin's Former Secretary*. St. Petersburg, Vsemirnoe Slovo Publ. 311 p. (In Russ.). Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=2777&p=1>

Erlich, A. (2010). *Discussions on Industrialization in the USSR. 1924-1928*. Moscow, Delo Publ. 248 p. (In Russ.).

Goland, Yu.M. (1991). *The Crises that Destroyed the NEP*. Moscow. International Research Institute of Management Problems Publ. 98 p. (In Russ.).

Gregory, P. E. (2003), *Economic growth of the Russian Empire (end of XIX – beginning of XX century)*. New estimates and calculations. Moscow. ROSSPEN Publ., 256 p. (In Russ.).

History of the All-Union Communist Party of the Bolsheviks. A short course. Reprint reproduction of the stable edition of the 30–40s. (1997). Moscow. Pisatel Publ. 353 p. (In Russ.). Available at: [https://yandex.ru/search/?clid=9582&text=Istoriya%20VKP\(b\).%20Kratkij%20kurs.&lr=65](https://yandex.ru/search/?clid=9582&text=Istoriya%20VKP(b).%20Kratkij%20kurs.&lr=65)

Khanin, G.I. (2015). Why and how did the NEP die? in Khanin G.I. *Economy and society of Russia: retrospective and perspective*. Vol. 1. Novosibirsk, SibAGS Publ. 384 p. (In Russ.).

Lenin, V.I. (1964). *A complete set of Lenin's works*. Vol. 44, Moscow. Political Literature Publ. 725 p. (In Russ.).

Markevich, A., Harrison, M. (2013). *Great War, Civil War, and Recovery: Russia's National Income, 1913 to 1928*. Moscow. Mysl Publ. 111 p. (In Russ.).

Novozhilov, V.V. *Deficiency of Goods*. *Bulletin of finance*. No. 2. (In Russ.). Available at: <https://seinst.ru/page75/>

For citation: Klistorin, V.I. (2021). Institutional Changes in the New Economic Policy. *ECO*. No. 4. Pp. 29–44. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-4-29-44